

В исследованиях по русской грамматике (от «Российской грамматики» М. В. Ломоносова 1755 г. до последней академической грамматики 1980 г. [Русская грамматика 1980]) деепричастие традиционно отводилось не слишком много места: раздел о деепричастиях содержит примерно одинаковый набор небогатых сведений о морфологических и синтаксических свойствах этой категории. Традиционно спорным является вопрос о категориальной принадлежности деепричастия: одни исследователи считают его пограничной категорией, располагающейся между глаголом и наречием («гибридная категория» В.В. Виноградова; «смешанная часть речи» А.М. Пешковского); другие относят деепричастие к глагольной парадигме (подходы Н.Ю. Шведовой в [Русская грамматика 1980], а также [Исаченко 1954]); третьи считают деепричастие наречием (такова точка зрения В.А. Богородицкого). По всей видимости, это положение дел объясняется тем, что деепричастие является относительно молодой категорией, однако и диахронический аспект изучения деепричастий долгое время был представлен лишь спорадическими сведениями в работах по истории русского языка (у В.И. Борковского, Л.А. Булаховского, А.М. Селищева). Лишь в самое последнее время в русистике стали обращать внимание на отсутствие полного систематического описания соответствующего явления русской грамматики: так, в работе [Абдулхакова 2007] исследуется история становления деепричастия как самостоятельной категории; в [Чунашева 2008] предпринята попытка разработки нормативной грамматики современного русского деепричастия; статья [Добрушина 2009] содержит корпусное исследование функционирования нестандартных деепричастных форм (*видев vs. видя; возвратясь vs. возвратившись*).

Книга немецкого слависта Сандры Бирцер, как следует из ее названия, представляет собой исследование до сих пор сравнительно мало изученного материала – русских деепричастий – в рамках хорошо известной теории грамматикализации (здесь С. Бирцер предпочитает подход, предложенный в [Brinton, Traugott 2005], где исследуются параллели между процессами грамматикализации и лексикализации).

В основу рецензируемой работы легла написанная автором диссертация, защищенная на филологическом факультете Регенсбургского университета в 2008 году. Содержательная часть книги состоит из трех глав: вводной, ос-

новной – «Деепричастия в русском языке» – и заключительной.

Во введении формулируются проблематика и основные цели работы, а также рассматриваются вопросы теоретического и методологического характера, ответы на которые служат фундаментом для дальнейшего исследования. Так, прежде всего формулируется определение понятия «деепричастие». Рассуждая о том, является деепричастие словоформой глагола или его словообразовательной производной (с. 2), автор не указывает на существование описанного выше спектра мнений в традиционной русистике по поводу категориального статуса деепричастий. Тем не менее, основываясь на предложенной Ф. Леманом (см. [V. Lehmann 2003]) трактовке грамматических категорий, автор принимает решение рассматривать деепричастие как словоформу, т.е. часть глагольной парадигмы.

Затем выбирается основной инструментальный для дальнейшего исследования: для изучения русских отдеепричастных предлогов автор адаптирует шесть параметров грамматикализации, предложенных Х. Леманом [Ch. Lehmann 1995], а для работы с русскими отдеепричастными наречиями – подход к феномену лексикализации, предложенный в [Brinton, Traugott 2005].

Параметры грамматикализации преобразованы следующим образом: в рамках параметра целостности (*integrity*) особое внимание уделяется семантическому «выветриванию» как фактору грамматикализации, а для его описания и изучения используется подход Московской семантической школы; параметры парадигматичности (*paradigmaticity*) и парадигматической вариативности (*paradigmatic variability*) редуцируются до близости грамматикализующейся единицы к ядру соответствующей грамматической категории; внутри параметра синтаксической сферы действия (*structural scope*) предлагается различать «синтаксическую сферу действия» – в терминологии работы [Богуславский 1996] – для описания взаимосвязи семантической и синтаксической структур и «сферу действия» в понимании Х. Лемана для описания сочетаемости основ и морфем, а также морфем друг с другом; параметр синтагматической вариативности (*syntagmatic variability*) нейтрализуется, поскольку «отдеепричастные предлоги занимают непосредственную препозицию к управляемому ими имени» (с. 20); в отношении параметра связанности (*bondedness*) утверждается, что

«процесс грамматикализации останавливается в тот момент, когда автономность грамматикализующейся единицы еще сохраняется» (с. 20). Добавим, что в связи с последним параметром особенно интересно наречие *не́хотя* (очевидно деепричастной природы), представляющее собой случай лексикализации, однако демонстрирующее достаточно продвинутую степень связанности с отрицательной частицей, что отражается, в частности, в орфографии и акцентуации.

В отношении лексикализации отмечается, что переход деепричастных единиц в разряд наречий засвидетельствован в различных языках и носит регулярный характер.

Основная глава книги представлена тремя разделами, первый из которых посвящен **деепричастной морфологии в диахронии**. В старославянский и древнерусский периоды краткие причастия утрачивают согласование с именем и начинают преимущественно употребляться в деепричастной функции, причем основной в таких контекстах становится форма женского рода. На с. 29 сведены в таблицу старославянские и древнерусские суффиксы причастий настоящего и прошедшего времени. В старорусский период, к которому отнесены XVI и XVII вв., формируется еще не вполне грамматикализованная категория деепричастия; суффиксы несут таксисные значения; каждый из суффиксов может присоединяться к каждой из основ НСВ и СВ, и, как показано в таблицах 2 и 3 на с. 32 и 34, суффикс *-а/-я* употребляется для образования причастий как прошедшего, так и настоящего времени (*высмотря, имея*). Таким образом, оппозиция между элементами деепричастной парадигмы развита слабо, что свидетельствует о недостаточно высокой степени их грамматикализации. В XVIII в. суффиксы *-уще/-аще* выходят из употребления, остальные суффиксы распределяются в зависимости от происхождения глагольной основы: так, при образовании деепричастия настоящего времени в основном используется суффикс *-ючи* для основ восточнославянского происхождения и *-а/-я* для основ церковнославянского происхождения. Для образования деепричастий прошедшего времени предпочтителен суффикс *-в*. Наблюдаемое сужение парадигмы и отраженная в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова попытка сформулировать нормативное правило на основе кореферентности субъектов действий, выраженных деепричастием и основным глаголом, – свидетельства развития грамматикализации. Наконец, в XIX в. суффикс *-а/-я* остается единственным продуктивным маркером деепричастий настоящего времени и присоединяется к основам НСВ, а суффикс *-в* с алло-

морфом *-вши* становится показателем деепричастий прошедшего времени и присоединяется к основам СВ. Таким образом, каждому из этих двух суффиксов приписывается определенная сфера действия (по Х. Леману). Кроме того, более краткие суффиксы *-а/-я* и *-в* вытесняют *-ючи* и *-вши* соответственно (*-вши* становится позиционным вариантом *-в* перед рсфлексивным показателем), и это употребление форм с меньшим фонетическим весом автор трактует как усиление параметра целостности.

Критические замечания к этому разделу прежде всего касаются библиографии: утверждение «нет публикаций, которые могли бы дать обзор исторического развития этой категории» (с. 25) сделано без учета монографии [Абдулхакова 2007]. Кроме того, фактической неточностью является положение о том, что в XIX в. «суффикс *-а(я)* – за исключением глаголов СВ с корнем *ид-* – присоединяется исключительно к основам НСВ» (с. 37). Эта мысль представляется не совсем верным обобщением следующего: «...значительно сокращается употребительность бессуффиксальных деепричастий от основы *шед*, которые заменяются формами на *-а(-я)*, образованными от основы *ид-*» [Виноградов, Шведова 1964: 181]. Мы не будем рассуждать о правомерности последнего утверждения, однако в отношении первого укажем: на материале подкорпуса текстов XIX в. в Национальном корпусе русского языка¹ обнаруживается, что суффикс *-а(я)* свободно присоединяется также по крайней мере к основам глаголов СВ, относящихся по классификации А.А. Зализняка к типу 7 с пометой 9 [Зализняк 1977: 82, 114]. Это, например, глаголы *провести* (1) и *прочесть* (2).

(1) Дядя мой, отставной флота капитан 2-го ранга, **проведя** всю жизнь на корабле, перенес свои привычки в наследственный дом и как бы переменил один корабль на другой (А. Фет. Матвей Матвеевич (1871));

(2) **Прочтя** записку, он кинулся наверх к князю (Г. П. Данилевский. Воля (1863)).

Второй раздел основной главы посвящен **синхронному состоянию русских деепричастий**. Здесь морфологии уделяется мало внимания: в отношении деепричастных суффиксов утверждается лишь, что «на протяжении всего XX века существовала <...> двухчленная система распределения» (с. 40), что представляется некоторым упрощением действительного положения дел. Об этом свидетельствует обширный корпусный материал из статьи

¹ [НКРЯ], откуда взяты все приводимые ниже примеры.

[Добрушина 2009], уже упоминавшейся выше. Хотя эта работа была написана позже диссертации С. Бирцер, существование в современных русских текстах таких дублетных форм как *читаю / читав, возвратясь / возвратившись* достаточно очевидно даже неискушенному наблюдателю. Кроме того, морфология деепричастий на синхронном уровне последовательно описана в книге [Исаченко 1954], которая упоминается на с. 49 в связи с другими вопросами, однако, к сожалению, отсутствует в библиографии.

Особое внимание в синхронном плане уделяется таксисным значениям деепричастий. Это обстоятельство объясняется тем, что «некоторые таксисные значения актуализуются только при определенном порядке слов» (с. 43), а фиксация порядка слов также считается одним из проявлений грамматикализации. Исследуя деепричастный таксис, автор рассуждает о соотношении между таксисными и другими значениями деепричастий, в результате чего (вслед за работой [Богуславский 1977]) отделяет первичные, таксисные, значения деепричастий – одновременность и разновременность – от вторичных, композиционных, – образа действия, уступки, причины и т.п. В споре по поводу существования таксисного значения следования у русских деепричастий автор выступает на стороне представителей петербургской теории функциональной грамматики (Т.Г. Акимовой, Н.А. Козинцевой и В.С. Храковского; см., например [ТФГ 1987]), постулирующих такое значение, но рассматривает и оппонирующую точку зрения Д. Вайса. Далее С. Бирцер подробно характеризует ряд факторов, связанных с этим значением. Так, во-первых, наличие в предложении интерпретационных глаголов означает отсутствие значения следования у деепричастия, например, «он сыграл на руку правым, перенеся срок обсуждения законопроекта» (с. 63). Вторым фактором является значение глагола на шкале «зернистости» («Granularität»). Зернистость представляет собой лексический параметр, введенный немецкой исследовательницей Д. Марск для характеристики степени предсказуемости внутренней структуры ситуации. Так, например, глагол *курить* обладает мелкой зернистостью, поскольку известно, какой сценарий стоит за соответствующим действием, в то время как глагол *эмигрировать* обладает крупной зернистостью, поскольку «мы не знаем, что именно делает человек, который эмигрирует» (см. [Marszk 1996]). Зернистость соотносится с деепричастным таксисом следующим образом: если в предложении (состоящем из главной части и деепричастного оборота) есть интерпретационный глагол, то другой глагол должен проявлять такую же

зернистость; иначе – при наличии цепочки действий – обобщающий, «родовой», глагол должен обладать более крупной зернистостью, чем «видовые» глаголы, описывающие действия-звенья. Рассуждения о цепочке действий сводятся (в частности, в таблице на с. 79) к заключению о том, что деепричастие или деепричастный оборот может выражать таксисное значение следования лишь в том случае, если представляет собой звено цепочки, следующее за звеном того же уровня зернистости, например: *пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая*. Наконец, анализ семантики результативности приводит к выделению результативного значения как специфической разновидности деепричастного таксиса; глагол, от которого образовано деепричастие, должен принадлежать к классу субъектно-результативных глаголов, чтобы проявлять таксисное значение результативности.

В качестве итога исследования перечисляется пять выявленных таксисных значений деепричастий: одновременность, предшествование, следование, частичная одновременность и результативность, причем последнее является таксисным значением только в нестрогом смысле. Актуализация каждого из данных таксисных значений зависит от определенных синтаксических, морфологических и семантических условий. Под синтаксическими условиями понимаются позиция деепричастия относительно глагола в главной части предложения, а также результат теста – возможности вставить в предложение одно из обстоятельств *одновременно, предварительно, быстро и затем*. К морфологическим условиям относится вид глагола. Наконец, семантические условия включают в себя наличие интерпретационного или субъектно-результативного глагола. Наглядно зависимость актуализации конкретных таксисных значений от перечисленных условий отражена в схеме на с. 106. Наиболее существенным выводом для всего исследования является доказательство грамматикализации порядка слов, которую, в свою очередь, можно рассматривать как этап процесса грамматикализации деепричастий.

Центральное место в монографии занимает третья часть основной главы, в которой изучаются **конкретные примеры процессов лексикализации и грамматикализации** на материале русских деепричастий. Процессы лексикализации представлены переходом деепричастий *выпивши, зря и играючи* в категорию наречий, а процессы грамматикализации – развитием отдеепричастных предлогов *спустя* и *отступя от*.

Основная цель при изучении этих деепричастий заключается в прослеживании семан-

тического развития, которое они претерпели при переходе в разряд наречий или предлогов. Частной целью при описании каждой отдеепричастной лексики является установление ее расположения на шкалах лексичности и грамматичности, предложенных в работе [Brinton, Traugott 2005: 94]. Напомним, что каждая из шкал представлена тремя ступенями, первая из которых указывает на низкий уровень лексикализации или грамматикализации (L1 и G1 соответственно), а третья – на высокий (L3 и G3). Исходя из того, что процессы грамматикализации и лексикализации имеют ряд сходств и точек соприкосновения, соответствующие шкалы перекрываются: в области наслонения находятся ступени L1 и G1, в то время как края общей шкалы представлены ступенью G3 с одной стороны и L3 – с другой.

В монографии рассматриваются наречия **деепричастного происхождения**. Изучая деепричастие *выпивши*, автор устанавливает, что свое современное значение ('в состоянии алкогольного опьянения') деепричастие развило путем семантической спецификации. Исходной точкой процесса лексикализации стало результативное употребление деепричастия СВ от видовой пары *пить – выпить* со значением 'проглотить жидкость', притом с утраченной переходностью по аналогии с *пить* 'быть алкоголиком'. Промежуточным шагом на этом пути является конкретизация значения: *выпивши* 'проглотив спиртное'. На уровне морфологии происходит специализация суффикса *-вши* на обозначение наречия. Все эти факты свидетельствуют в пользу лексикализации. Однако в синтаксическом плане наблюдается, наряду с утратой сферы действия по актанту, соответствующему прямому дополнению, наличие сфер действия, образованных подлежащим и глаголом, а также наличие предикативной функции. Кроме того, результативность присуща всем деепричастным формам предельных глаголов. Ввиду всех перечисленных свидетельств автор располагает *выпивши* в области наложения ступеней L1 и G1 на шкале лексичности и грамматичности.

Семантическое развитие наречия *зря*, уходящего корнями еще в древнерусский период, представляет собой более сложный и многоступенчатый процесс. Отправным пунктом на пути лексикализации служит деепричастная форма *зря*, образованная от глагола активного восприятия *зреть* ('смотреть'), который уже в употреблении XV в. проявляет значение 'праздно смотреть' (ср.: *глазеть*) наряду с идеей зрительного восприятия. Впоследствии в семантике деепричастия *зря* компонент праздности развивается в компонент 'отсутствия', который реализуется в составе более

специфического значения уже наречной лексики *зря* 'отсутствие усилия'; идея зрительного восприятия при этом стирается. Такая конкретизация значения объясняется тем, что исходный глагол активного зрительного восприятия предполагает наличие специальной, то есть требующей усилия, цели у соответствующего действия. Поскольку отсутствие усилий приводит к отсутствию результата, из значения 'отсутствие усилия', в свою очередь, развивается 'отсутствие результата'; также усилие предполагает наличие желания, а желание является причиной-мотивом действий человека – так автор объясняет появление значения 'отсутствие причины-мотива' у наречия *зря*. Позже из него развивается слово *зря* со значением 'оценка мнения как ошибочного': при отсутствии основания (разновидности причины) у мнения говорящий оценивает его как ошибочное. Лексема *зря* 'отсутствие результата' порождает отдеепричастное наречие со значением 'жалко', для чего предлагается следующее объяснение: «отсутствие ожидаемого результата приводит к отрицательной оценке имеющейся ситуации и к желанию, чтобы имел место ожидаемый результат» (с. 157). Итак, при развитии наречия *зря* выветренные компоненты значения были заменены на другие, однако не менее сложные. Современное наречие *зря* подверглось универбации: оно воспринимается как неделимая на морфемы единица. В силу приведенных доказательств и по той причине, что, как декларативно утверждает автор, «наречия типа *зря* образуются полупродуктивным путем – конверсией деепричастий в разряд наречий» (с. 158), наречию *зря* приписывается ступень L2 на шкале лексичности и грамматичности.

Отдеепричастное наречие *играючи* представлено в современном русском языке, по мнению автора, двумя значениями: 'без усилий' и 'несобдуманно', которые развились путем экспрессивной метафоры из деепричастной формы глагола *играть*. В результате метафоризации второстепенные компоненты семантики глагола *играть* (или даже коннотации) становятся главными в семантике обоих отдеепричастных наречий *играючи*. В синтаксическом плане наречие *играючи* отличается от деепричастия актантной структурой: наречие не предполагает прямого дополнения, кроме того, первую его сферу действия образует глагол. В плане морфологии рассматриваемое наречие представляет собой результат развития дублетной деепричастной формы (ср.: *играя*), где произошла специализация менее продуктивного суффикса *-учи* в маркер наречной формы. Интересным наблюдением автора можно назвать сопоставление русского наречия *играючи* с немецким *spielend* (дей-

ствительным причастием от глагола *spielen* 'играть'), проявляющим аналогичное значение в ряде контекстов. Наличие такой параллели между разными языками (случай нередкий при грамматикализации) автор объясняет значимостью концепта игры во многих культурах. Тем не менее, *играючи* представляет собой лексикализацию метафоры. Непродуктивность суффикса *-учи* в плане образования наречия от глагола (хотя существуют и другие наречия с этим суффиксом и все они имеют деепричастную природу) оказывается определяющим фактором для размещения *играючи* на шкале лексичности и грамматичности на ступени L2.

Главным обобщением анализа отдельных отдеепричастных наречий представляется таблица на с. 186, в которой отражен путь их лексикализации: исходной точкой является необычное употребление деепричастия (метафора и т.п.), затем следует утрата синтаксических актантов глагола, после – отграничение наречной формы от деепричастной, предпоследний шаг на этом пути – универбация и, наконец, сохранение отдеепричастного наречия при вытеснении деепричастия супплетивной формой.

С. Бирцер рассматривает **предлоги деепричастного происхождения**. В отношении отдеепричастного предлога *спустя* автор заключает, что временное значение этого предлога развилось из метафорического употребления глагола *спустить*. Тем не менее, примеров подобного употребления обнаружено не было, и по этой причине к анализу привлекаются глаголы *испустить*, *пропустить*, *упустить*, относящиеся к тому же гнезду, что и *спустить*. Данные глаголы в метафорическом употреблении (что подтверждается примерами) предполагают намеренное или ненамеренное бездействие субъекта, в то время как «деепричастие *спустя* тяготело к контекстам ненамеренного действия субъекта» (с. 225). Результатом выветривания становится утрата компонента 'действие', присущего глаголу, а также указания на человека, то есть глагольной актантной структуры. В морфологическом плане имеет место специализация суффикса *-я*: регулярное деепричастие от глагола СВ образуется посредством суффикса *-в* (*спустив*). Эти свидетельства указывают на развитие грамматичности у *спустя*. В плане продуктивности выясняется, что пополнение категории предлогов грамматикализированными деепричастиями, хотя и представлено рядом примеров, не является регулярным явлением. Итак, автор приписывает предлогу *спустя* ступень G2 на шкале лексичности и грамматичности.

Образование предлога *отступя от* представляет собой результат семантического выветривания компонента 'перемещение', свойс-

твенного глагольной лексеме *отступить*. Это обстоятельство автор объясняет главным образом результативным употреблением деепричастия *отступя*. В синтаксическом плане наблюдается колебание: актант *отступя от* с семантической ролью 'расстояние' типичен для деепричастия, в то время как наличие сфер действия по актантам с обозначением места подчеркивает предложные черты. На уровне морфологии здесь наблюдается уже описанная в отношении предлога *спустя* специализация суффикса, однако только теперь (на с. 241) автор отмечает, что «деепричастный суффикс *-я* <...> все еще употребляется как слабопродуктивный способ образования деепричастия СВ». Заметим, что то же было бы верно в отношении деепричастия *спустя*:

- (3) Когда люди поставили лампы и вышли, **спустя** шторы у окон, Водопьянов продолжал:... (Н. Лесков. На ножах (1870)).

В силу наблюдаемой специализации суффикса *-а*, который все еще является слабопродуктивным способом образования деепричастий СВ, предлог *отступя от* размещается в области наложения ступеней L1 и G1 на шкале лексичности и грамматичности, хотя его сходство с предлогом *спустя* свидетельствует, как замечает автор, в пользу ступени G2.

Подводя итоги в изучении отдеепричастных предлогов, автор отражает путь их грамматикализации в таблице на с. 248. Так, сначала деепричастие претерпевает семантическое выветривание, затем утрачивает кореферентность с подлежащим из главной части предложения, после чего происходит фиксация порядка слов. Далее имеет место синтаксическая реинтерпретация, за которой следует универбация. Два последних шага на пути грамматикализации – отграничение предложной формы от деепричастной и сохранение отдеепричастного предлога при вытеснении деепричастия супплетивной формой – уже встречались нам на пути лексикализации.

Наконец, в **заключительной главе** сжато представлены все полученные в ходе исследования результаты, наиболее существенные из которых были рассмотрены выше. При обсуждении итогов анализа отдеепричастных наречий приводятся примеры аналогичной лексикализации из немецкого и турецкого языков. Кроме того, представлен и ряд новых выводов о соотношении грамматикализации и лексикализации: обнаружилось, что эти процессы, имеют, во-первых, сходные этапы развития (отграничение предложной/наречной формы от деепричастной и универбация), во-вторых, общие свойства, проявляющие различную реализацию (семантическое вы-

встривание), и в-третьих, различия (фиксация порядка слов, свойственная грамматикализации).

Нетривиальным выводом работы автор считает свидетельство типологической универсальности этапов процесса лексикализации, хотя до сих пор считалось, что такая универсальность характерна лишь для процесса грамматикализации.

Переходя к общим замечаниям, отметим, что в целом работа выполнена очень аккуратно и даже скрупулезно, несмотря на опечатки и стилистически неудачные формулировки, которые встречаются в книге. Можно указать на один случай непоследовательности: еще во вводной главе автор исключает из дальнейшего рассмотрения русский союз *хотя*, поскольку «результаты <...> работы с памятниками <...> не указывали на развитие союза *хотя* из соответствующего деепричастия» (с. 2). Тем не менее, союз *хотя* дважды привлекается в качестве примера: для иллюстрации фонетической эрозии у служебных лексем деепричастного происхождения (*хоть* и *хотя*) на с. 108 и в утверждении, что «из области союзов можно привести конкретный пример – форма *хотя* выпала из парадигмы глагола *хотеть* и заместились супплетивной формой *желая*» (с. 246).

Рецензируемая работа в целом представляет собой, вне всякого сомнения, масштабное, логично выстроенное и систематическое исследование. В перспективе будущих исследований особенно важны свидетельства лексикализации и грамматикализации русских деепричастий, поскольку эти процессы еще не завершены. Кроме того, вывод о регулярности процессов лексикализации, сделанный в результате анализа русских отдеепричастных наречий, имеет важное теоретическое значение. Остается надеяться, что Сандра Бирцер продолжит изучение проблематики русских деепричастий, а ее работы будут обладать всеми перечисленными преимуществами лишь в большей мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулхакова 2007 – Л.Р. Абдулхакова. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань, 2007.
Богуславский 1977 – И.М. Богуславский. О семантическом описании русских деепри-

частий: неопределенность или многозначность? // ИАН СЛЯ. 1977. Т. 36. № 3.

Богуславский 1996 – И.М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Виноградов, Шведова (ред.) 1964 – В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.). Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века (Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Т. 2). М., 1964.

Добрушина 2009 – Е.Р. Добрушина. Видев и увидя: жизнь и смерть нестандартных деепричастий // К.Л. Кисслева (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.

Зализняк 1977 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Исаченко 1954 – А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Bratislava, 1954.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.

ТФГ 1987 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.

Чупашева 2008 – О.М. Чупашева. Грамматика русского деепричастия. Мурманск, 2008.

Brinton, Traugott 2005 – L.J. Brinton, E.C. Traugott. Lexicalization and language change. Cambridge, 2005.

Ch. Lehmann 1995 – Ch. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. München; Newcastle, 1995.

V. Lehmann 2003 – V. Lehmann. Grammatische Derivation (Aspekt, Genus verbi, Komparation, Partizip und andere Phänomene zwischen Flexion und Wortbildung) // T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.). Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana. München, 2003.

Marzsk 1996 – D. Marzsk. Russische Verben und Granularität. München, 1996.

В.М. Ковальская

Сведения об авторе:

Вера Максимовна Ковальская
МГУ им. М.В. Ломоносова
foi_forgee@mail.ru